

Показательно в этом отношении дело, рассмотренное Жигимонтом I в 1524 году. Житель Новогрудка Иван Ивонич обвинял дворянина Васка Петровича Заройского, что он владеет землями и людьми «без данины и листов» великого князя. Ответчик возражал, утверждая, что у него есть официальный документ из великокняжеской канцелярии («лист на то мел есми справы писарской») на основании которого воевода новогрудский пан Ян Заберезинский ввёл его во владение землёй. Великий князь, осмотрев документы, напомнил, что во время проверки деятельности канцелярии «таковых листов перед нами немало было положено», которые, как выяснилось, были выданы без «воли и росказанья господарского». Владельцы таких документов были лишены своих земельных держаний. Однако, для Васка было сделано исключение: ему оставили земли, так как он их не захватил самовольно, а получил на основании листа [2, с. 153]. Тот факт, что лист был сфальсифицирован, как видим, не стал основанием для признания незаконного характера владения. Решение по делу доказывает, что воля князя как верховного правителя была важнее, чем установленный законом порядок оформления прав на землю.

Ввод феодала во владение пожалованной землёй – «увязанье» – могло проводиться воеводой, старостой, державцей или специально посланным для этой цели дворянином великого князя. Предписание о «увязанье» излагалось в отдельном листе, адресованном на имя урядника, а сам ввод во владение оформлялся так называемым «листом увязчим».

В некоторых случаях, в своём листе великий князь определял количество пожалованных земель, людей, доходов, передающихся в держание, но не уточнял детали (локализацию объекта пожалования, персоналии людей и др.). Тогда урядник по поручению князя должен был «обискати» подконтрольную ему территорию на предмет выявления необходимых ресурсов для предоставления держания согласно нормам, установленных князем. По-видимому, таких ресурсов не всегда было достаточно. Поэтому в некоторых прошениях на имя князя, а на их основании – в княжеских листах упоминается о неисполнении урядниками предписаний господара о увязанье просителя.

Обычно в таком случае в актовых материалах причина отказа формулируется в общих чертах, без детализации. Чаще всего говорится о том, что урядник не исполнил предписание «за некоторыми справками нашими (авт. – великого князя) и земскими». Наверное, наиболее универсальным аргументом здесь был ущерб («шкода») интересам великого князя, о чём урядник сообщал князю. Такой ущерб мог быть вполне реальным, но, судя по всему, он бывал и мнимым, надуманным. Так в завуалированной форме урядник мог прикрывать свои интересы.

Иногда такие субъективные мотивы отказа урядники демонстрировали открыто. В содержании некоторых актов очевидно, что причиной неисполнения предписаний князя о введении во владение являлись личные взаимоотношения между феодалами и нежелание урядников поступать своими доходами. Так воеводе Троцкому князю Альбрехту Гаштольду, будущему канцлеру ВКЛ, было поручено найти людей и пустующие земли в Троцком повете для увязанья дворянина господарского князя Михаила Ивановича Глинского. Воевода нашёл соответствующих людей и земли в Волковыском повете, дал увязчий лист и в своём письме просил державцу Волковысского пана Юрия Глебовича выделить («поступить») их Глинскому. Однако Глебович «поступити ся ему не хотел», после чего великий князь дал Глинскому один из своих дворов «на хлебокормленье до его живота». Позже 28 июля 1522 г. по просьбе Глинского Жигимонт всё-таки подтвердил ему данину в Волковыском повете и предписал новому державце Волковысскому пану Матею Войтеховичу, чтобы он эти земли и людей «ему ся поступил» [3, с. 125].

Итак, процедура пожалования земель великим князем в держание частным лицам на практике иногда приводила к таким коллизиям, как:

- пожалование в качестве пустующей земли, у которой в действительности был законный владелец;
- владение землёй по документам, сфальсифицированным в великокняжеской канцелярии;
- неисполнение предписаний о введении во владение из-за объективных (отсутствия свободных земель) или субъективных причин.

Литература

1. Литовская Метрика. Книга записей 12. – Вильнюс, 1997.
2. Литовская Метрика. Книга судебных дел 4. – Вильнюс, 1997.
3. Литовская Метрика. Книга записей 11. – Вильнюс, 1997.

ИНСТИТУТ ОБЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНИНА УМЕРШИМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Т.М. Халецкая

Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Tania80@rambler.ru

В случае длительного отсутствия гражданина в месте его постоянного проживания и неизвестности места его нахождения возникает юридическая неопределенность, последствиями которой может стать ущемление прав других участников правоотношений. Так, кредитор утрачивает возможность получить с данного гражданина причитающийся ему долг; нетрудоспособные лица, состоящие на иждивении исчезнувшего гражданина, перестают получать от него содержание и в то же время не могут обратиться за начислением им пенсий, поскольку считаются имеющими кормильца; в период отсутствия гражданина сохраняется заключенный с ним брак, что препятствует заключению оставшимся супругом нового брака и т.п. Незащищенными остаются и интересы самого длительно отсутствующего лица: в частности, может быть причинен ущерб его имуществу, оставшемуся без присмотра. Устранению этой неопределенности способствуют нормы гражданско-правового института объявления гражданина умершим (ст.ст. 41, 42 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. – далее ГК Республики Беларусь).

Признание гражданина умершим возможно только на основании судебного решения, вынесенного в порядке особого производства (ст. 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь – далее ГПК Республики Беларусь) и лишь при наличии юридического состава, включающего следующие юридические факты: 1) отсутствие лица в месте его жительства; 2) отсутствие сведений о месте пребывания лица; 3) истечение установленных законом сроков с момента получения последних сведений о месте пребывания лица. Рассмотрим подробно каждый из указанных юридических фактов.

1) *отсутствие лица в месте его жительства*. Выяснение значения понятия «отсутствие» не вызывает особых затруднений. Отсутствовать – значит не быть в данном месте [5, с. 440]. Здесь важно определить, что понимает законодатель под местом жительства применительно к ст. 41 ГК Республики Беларусь.

Так, в п. 3.1 Указа Президента Республики Беларусь от 7 сентября 2007 г., № 413 «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания» (далее – Указ) сказано, что каждый гражданин обязан зарегистрироваться по месту жительства в пределах Республики Беларусь. В данном случае под местом жительства понимается *местонахождение (адрес) жилого помещения*, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он постоянно либо преимущественно проживает (п. 4.5 Указа). То есть в Указе речь идет о юридическом месте жительства гражданина (месте жительства, в котором гражданин зарегистрирован). Вместе с тем, юридическое место жительства может не

совпадать с фактическим. Например, гражданин Иванов может быть зарегистрирован по адресу своих родителей, а фактически проживать по другому адресу со своей невестой Петровой.

Более широкое понимание места жительства содержится в п. 1 ст. 19 ГК Республики Беларусь. Так, в соответствии с указанной статьей местом жительства гражданина признается тот *населенный пункт*, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. При этом, ст. 4 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г., № 154-З «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» под населенным пунктом понимает компактно заселенную часть территории Республики Беларусь, место постоянного жительства граждан, имеющую необходимые для обеспечения жизнедеятельности граждан жилые и иные здания и сооружения, собственное наименование и установленные в соответствующем порядке территориальные пределы. К числу населенных пунктов относятся города, поселки городского типа и сельские населенные пункты.

Представляется, что для признания гражданина умершим **необходимо учитывать его отсутствие в течение установленного законом срока не в месте юридического проживания, а в месте фактического проживания**. При этом под фактическим местом проживания в данном случае следует понимать жилое помещение, квартиру, иное помещение, пригодное для проживания в конкретном населенном пункте, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает. Подобный вывод был сделан еще Е.В. Васьковским, который писал, что при установлении факта отсутствия лица важно учитывать именно фактическое, а не юридическое место жительства «так как самый вопрос о безвестном отсутствии возникает только в том случае, когда кто-либо выбывает из места, где имел постоянную «оседлость и домашнее обзаведение», оставляя свое имущество на произвол судьбы» [1, с. 93];

2) *отсутствие сведений о месте пребывания лица*. В данном случае предполагается, что лицо не должно подавать о себе никаких известий (отсутствие звонков, писем, электронных сообщений и т.п.);

3) *истечение установленных законом сроков с момента получения последних сведений о месте пребывания лица*. По общему правилу, гражданин может быть объявлен судом умершим, если по месту его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение трех лет (п. 1 ст. 41 ГК Республики Беларусь). Указанный срок исчисляется: 1) со дня, получения последних сведений об отсутствующем; 2) с первого числа месяца, следующего за тем, в котором были получены последние сведения об отсутствующем, если не удалось установить последний день получения этих сведений; 3) с первого января года, следующего за тем, в котором были получены последние сведения об отсутствующем, если не удалось установить последний месяц получения сведений. Начальный момент течения годового срока устанавливается с помощью документов или свидетельских показаний.

Если гражданин пропал без вести при обстоятельствах, угрожающих смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая (землетрясение, сход лавины, ураган, крушение поезда и т.п.), то для объявления его умершим учитывается отсутствие сведений о месте его пребывания в течение шести месяцев (п. 1 ст. 41 ГК Республики Беларусь). Представляется, что началом течения шестимесячного срока целесообразно считать день несчастного случая или день, когда произошли обстоятельства угрожающие смертью. При этом, как отмечает В.В. Подгруша «на практике определенную сложность представляют вопросы, касающиеся оценки обстоятельств для применения сокращенных сроков для объявления гражданина умершим...» [4, с. 92]. Действительно, если, например, факт несчастного случая, явившегося причиной предполагаемой гибели лица подтверждается, скажем, свидетельскими показаниями или документами, то надлежит применять 6-месячный срок. В ситуации, когда несчастный случай «пусть и с большой долей вероятности, тоже презюмируется, для объявления гражданина умершим вследствие такого несчастного случая необходим 3-летний срок» [4, с. 92].

Несколько иной подход применяет законодатель для объявления умершим военнослужащих или иных граждан, пропавших без вести в связи с военными действиями. В подобной ситуации судебное решение может быть вынесено не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий (п. 2 ст. 41 ГК Республики Беларусь). В таком случае необходимо доказывать, прежде всего, факт нахождения военнослужащего или иного гражданина в месте проведения военных действий, а также время окончания этих действий [4, с. 92]. Целесообразно днем окончания военных действий считать день объявления соответствующим должностным лицом об их окончании.

Конкретный день смерти гражданина указывается судом в судебном решении, если установлены обстоятельства, угрожающие ему смертью или дающие основания предполагать его гибель от определенного несчастного случая. Если конкретная дата смерти лица не определена, то в соответствии с п. 3 ст. 41 ГК Республики Беларусь днем смерти гражданина, объявленного умершим считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим.

Признание гражданина умершим следует отличать от установления факта смерти гражданина (п. 7 ч. 1 ст. 364 ГПК Республики Беларусь). Как отмечает М.В. Кротов «необходимость установления факта смерти бывает вызвана невозможностью получения медицинского заключения о смерти, что имеет место при отсутствии тела умершего» [3, с. 119]. При установлении факта смерти всегда имеются доказательства гибели гражданина и нет необходимости делать какие-либо предположения. Именно это обстоятельство отличает установление факта смерти от признания гражданина умершим. Так, если в результате крушения поезда несколько человек наблюдали гибель одного из пассажиров, то установлению подлежит факт смерти, а если после крушения поезда кто-либо из пассажиров не был обнаружен, то можно лишь предположить его гибель в результате крушения поезда.

ГК Республики Беларусь не содержит специальных норм, посвященных последствиям объявления гражданина умершим. В целом, они совпадают с теми, которые имеют место в случае смерти гражданина, а именно: 1) в отношении имущества гражданина, объявленного умершим открывается наследство; 2) прекращается брак, заключенный с гражданином, объявленным умершим (ч. 1 ст. 34 Кодекс Республики Беларусь о браке и семье); 3) прекращаются любые обязательства, носящие личный характер.

Вместе с тем, в литературе высказывается справедливое суждение о том, что полного тождества последствий смерти гражданина и объявления его умершим нет. Так, факт объявления гражданина умершим **не влечет прекращения его правоспособности**, поскольку в основе такого признания «лежит только предположение о смерти гражданина» [3, с. 119]. Правоспособность прекращается только в момент фактической смерти лица, а это означает, что если гражданин умер до объявления его умершим, то правоспособность прекратилась в момент смерти, если жив, то не прекратилась вообще.

Развивая эту мысль, следует указать, что **факт признания гражданина умершим не прекращает и его дееспособности**. Гражданская дееспособность по сути представляет собой реализованную правоспособность. Это означает, что если гражданин, признанный судом умершим, не утрачивает способность иметь гражданские права и обязанности, то он не утрачивает и право своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, а также создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Следовательно, если такой гражданин, фактически находясь в живых, совершает какие-либо сделки или иные юридически значимые действия, то они считаются действительными. Объявление гражданина умершим в целом «не влияет на субъективные права гражданина, приобретаемые и осуществляемые в месте его действительного нахождения» [4, с. 93].

Литература

1. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского права / Е.В. Васьковский. – М.: Статут, 2003. – 382 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 26 дек. 2007 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
3. Гражданское право: учеб.: В 2 т. / Е.Ю. Валявина [и др.]: под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1999. – Т. 1. – 616 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь: В 3 кн. / В.Н. Годунов [и др.]: отв. ред. В.Ф. Чигир. – Минск: Амалфея, 2004. – Кн. 1. – 544 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1975. – 846 с.

Стендовые доклады
НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М.С. Петрова

Ситибский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Минск, Беларусь

Согласно статье 85 Конституции Президент издает указы и распоряжения, а в случаях, предусмотренных Конституцией, декреты, имеющие силу законов. Декреты в соответствии со статьей 101 Конституции могут быть двух видов: декреты, издаваемые на основании законодательных полномочий, делегированных Парламентом, и временные декреты, издаваемые в силу особой необходимости [1]. Таким образом, Президент Республики Беларусь вправе издавать правовые акты четырех видов.

На сегодняшний день изучение данного вопроса является весьма актуальным, так как уже изданные нормативно-правовые акты такого рода регулируют практически все стороны жизни современного белорусского общества, в то время как в системе законодательства процедура и условия принятия этих НПА четко не определены и имеют значительные пробелы.

Проблемные стороны каждого из этих НПА отражены ниже.

1. Согласно ч.1 ст. 101 Конституции Палата представителей и Совет Республики законом, принятым большинством голосов от полного состава палат, по предложению Президента могут делегировать ему законодательные полномочия на издание декретов, имеющих силу закона [1]. Характерными чертами данного института являются инициатива органа или должностного лица, которому делегируются законодательные полномочия (в данном случае — Главы государства), ограниченный период действия делегированных полномочий, четко очерченный предмет правового регулирования актов, издаваемых на основании делегированных полномочий, установление круга общественных отношений, выведенного за пределы сферы регулирования делегированного законодательства, парламентский и судебный контроль за осуществлением делегированных полномочий [2, С. 93].

Поскольку решение о делегировании Президенту законодательных полномочий принимается палатами Национального собрания в форме закона, нет никаких правовых препятствий для принятия закона об отмене закона о делегировании еще до истечения срока его действия. Аналогичным образом закон о делегировании может быть изменен. Конституция устанавливает приоритет закона перед декретом, если полномочия на издание декрета были предоставлены законом. Таким образом, Парламент вправе найти иное законодательное решение вопроса, урегулированного декретом. Одновременное правотворчество двух органов в одной и той же области неизбежно приведет к правовой неразберихе и не будет способствовать формированию целостной и гармоничной системы законодательства.

В соответствии с абзацем вторым части четвертой статьи 116 Конституции декреты Президента могут быть рассмотрены Конституционным Судом на предмет их соответствия Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. В указанной норме усматривается одно упущение: декреты, издаваемые в соответствии с частью первой статьи 101 Конституции, должны оцениваться Конституционным Судом и на предмет их соответствия законам. Это положение прямо вытекает из части третьей статьи 137 Конституции и в перспективе должно найти соответствующее закрепление в статье 116 Основного Закона [1].

Надо, однако, признать, что все вышеперечисленные проблемы носят абстрактно-теоретический характер. Со дня принятия новой редакции Конституции, Президент Республики Беларусь ни разу не обращался в Национальное собрание с предложением о делегировании ему законодательных полномочий, а поэтому практика делегирования на сегодняшний момент не сложилась.

2. В соответствии с частью третьей статьи 101 Конституции временные декреты издаются Президентом по своей инициативе либо по предложению Правительства [1]. В последнем случае они должны скрепляться подписью Премьер-министра. Хотя практика издания временных декретов получила достаточно широкое распространение, случаев их издания по предложению Правительства пока не было.

Конституция предусматривает, что временные декреты издаются в силу особой необходимости. Особая необходимость категория оценочная, которую очень сложно наполнить строгим юридическим содержанием. Практика показала, что среди политиков и юристов имеются различные трактовки этого понятия. Наверное, есть необходимость официального толкования рассматриваемой конституционной нормы.

Особенно осторожно следует относиться к изданию временных декретов во время сессий палат Парламента и незадолго до их открытия. При необходимости решения неотложных проблем законодательного регулирования Президент в соответствии с частью третьей статьи 99 Конституции имеет право объявить рассмотрение законопроекта срочным [1].

Существует проблема определения пределов правового регулирования рассматриваемых правовых актов. В отличие от декретов, издаваемых на основании делегированных полномочий, Конституция прямо не ограничивает сферу общественных отношений, в которой возможно регулирование временными декретами

Частью третьей статьи 101 Конституции предусмотрено, что палаты Парламента могут регулировать законом отношения, возникшие на основе декретов, которые отменены [1]. В отношении временных декретов Президента Республики Беларусь установлен усложненный порядок их отмены (квалифицированным большинством) по сравнению с принятием обычных законов. Таким образом, указанное положение Конституции фактически полностью блокирует дальнейшую законодательную деятельность Парламента в сфере, урегулированной временным декретом.

Действующее законодательство не дает ответа на вопрос, вправе ли Глава государства в случае отмены временного декрета Парламентом издать новый декрет аналогичного содержания. Во всяком случае, правовых препятствий для этого не усматривается. В то же время такой подход сводит на нет право законодательного органа на отмену временных декретов [3, С. 112].

Сроки действия временных декретов не установлены, хотя сам термин «временный декрет» предполагает непостоянный характер правового регулирования этими актами.